

Короленко Владимир Галактионович

Дневник

Том 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Галактионович К.**
Дневник: Том 4 / Короленко Владимир Галактионович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 352 с.

ISBN 978-5-519-90405-6

ISBN 978-5-519-90405-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИИ

Настоящий IV - й том Дневников В. Г. Короленко включает подневные записи за время с октября 1898 - го до 1903 - го года включительно.

Период этот представлен, однако, у автора не полностью: в 1900 г. дневник не ведется вовсе, в 1902 в дневнике отмечены события только первой половины года, а в 1903 записи имеются лишь в июне, главным образом в связи с поездкой В. Г. в Кишинев.

Наблюдения и материалы, собранные писателем в дневниках означенного периода, характеризуют события и настроения в России в годы, предшествующие русско-японской войне и первой революции.

Красной нитью проходят в дневниках указания на „самодержавную беспомощность“, полную несостоятельность бюрократии, рост реакции и возрождение террористических настроений в стране.

Жестокие репрессии против печати, усиление сыска политического и религиозного, „отлучение“ Толстого, массовые увольнения студентов, „усмирения“ рабочих и крестьян, еврейские погромы, — таковы меры правительства в области внутренней политики.

Рост реакции выражается и в новом курсе по отношению к Финляндии: 3 февр. 1899 г. издаются „основные положения“, нарушающие конституционные права этой страны.

Финляндскому вопросу отведено значительное место на страницах дневника; это сделано отчасти в связи с теми последствиями, которые имело для „Русск. Богатства“

появление в этом журнале информационной заметки „Финляндские дела“ („Р. Б.“ № 3, 1899 г.). Заметка эта вызвала сильнейшее неудовольствие финляндского ген. - губернатора Бобрикова, известного „обрусителя“ (впоследствии убитого Шауманом), так как в ней заключалось указание на то, что конституционная форма правления в Финляндии была подтверждена Александром II. Бобриков обратился по этому поводу с письмом к начальнику Главн. Управл. по делам печати М. П. Соловьеву. Последний предложил редакции „Русск. Богатства“ напечатать опровержение заметки, угрожая в противном случае закрытием журнала.

Дневник включает подробное изложение этого инцидента и всех объяснений с Соловьевым, вести которые пришлось В. Г-чу, как одному из двух фактических редакторов журнала. Это был один из самых трудных моментов в жизни журнала и в жизни самого писателя.

„...Один почерк пера может уничтожить результаты всей нашей работы,— пишет В. Г. в своем дневнике,— и каждый из нас рискует очутиться с долгами уничтоженного журнала, которые тогда станут нашими личными долгами. По условиям экономической стороны ведения дела — такими ответственными лицами в данное время явились - бы я и Михайловский“.

Для В. Г. Короленко это было - бы тем тяжелее, что он тогда не вполне еще оправился от тяжелого нервного заболевания (острая бессонница), явившегося у него к концу „мултанского дела“ летом 1896 г.

К счастью, кара, постигшая журнал за категорический отказ напечатать требуемое опровержение, ограничилась приостановкой на три месяца.

К числу явлений русской жизни, привлекающих особенное внимание В. Г., принадлежат студенческие волнения;

систематически, в течение многих лет писатель собирает в своих дневниках большой материал к истории этих волнений, переходящих под конец в политические демонстрации под лозунгом „долой самодержавие!“ Читатели настоящего тома найдут в нем много документов и наблюдений, характеризующих настроения студенчества, роль профессуры, меры правительства, отклики в печати и в различных слоях населения и т. п.

В 1901 — 1902 г. г. в обеих столицах и в ряде университетских городов к студентам присоединяются рабочие; происходят грандиозные демонстрации. На сцене появляются казаки, в ход пускаются нагайки и холодное оружие.

Дневник заключает описание двух демонстраций 1901 г. — в Харькове (19 февр.) и в Петербурге, на Казанской площ. (4 марта). В апреле 1902 г. записано: „Слепота и близорукость ретроградного правительства, неспособного ни на одну живую реформу — довела изолированное сначала движение учащейся молодежи до степени бытового явления, и, конечно, не могла помешать тому, что этот ручеек пробил преграждавшие слои и слился с движением тоже угнетенных и преследуемых рабочих. Рабочее движение, как и студенческое, лишенное элементарных законных форм безграничным произволом, — слились естественно, чувствуя общего противника именно в этом безграничном произволе. И вот, из струйки уже ручей. А шум этого ручья проникает в народ...“

За студенческими и рабочими волнениями следует весной 1902 г. вспышка аграрных волнений в Полтавской и Харьковской губ. Начинается полоса экзекуций в деревне и массовых арестов и высылки в городах, разгром общественных организаций, еврейские погромы...

Автор отмечает в своей летописи ход всех этих событий и общественные симптомы, предвещающие наступление бури. Уже в 1901 г. он записывает в своем дневнике:

„Стачки рабочих, все возрастающие „сопротивления“ крестьян указывают на глухое брожение в народе. Массовая война с властями учащейся молодежи начинает вовлекать и общество... Медленно, но неуклонно нарастают понемногу и собираются великие силы будущей борьбы. Нашим детям предстоит жить в очень драматичное, но и интересное время“.

Невозможность свободно высказаться в печати о явлениях текущей жизни нередко побуждает писателя делать это именно в дневнике. Мы имеем только две его статьи, написанные вне условий русской цензуры („Самодержавная беспомощность“, и „Суррогаты гласности для высоч. употребления“); статьи эти появились, без подписи, в зарубежном журнале „Освобождение“ (1903 г. № № 15 и 16), издававшемся в Штутгарте П. Б. Струве. (Вошли в т. XXXI наст. изд.). Для заграничного-же издания предназначалась сказка-памфлет „Стой солнце, не двигись луна!“, написанная в 1898—99 г. г. Автор не был однако вполне ею удовлетворен, и при жизни писателя „сказка“ эта нигде в печати не появлялась. (Вошла в т. XXII наст. изд.).

Выше было уже сказано, что В. Г. совершенно не вел дневника в 1900 г. Это — год переезда писателя из Петербурга на жительство в Полтаву. Крайним утомлением, связанным с ликвидацией петербургского периода и объясняется, вероятно, полное отсутствие записей в этом году.

Решение покинуть Петербург вызвано было совокупностью многих тяжелых условий столичной жизни, в том числе невозможностью иметь здесь надлежащий досуг и спокойствие для художественной работы.

Впоследствии В. Г. так охарактеризовал в своем дневнике те условия, от которых ушел:

„Мелкие „подлитературные“ дразги, пересуды, столкновения... — потом цензура, объяснения с авторами, концерты, чтения, обеды с речами, суды чести, кажется нужные только для того, чтобы портить настроение самим судьям и, пожалуй, сторонам... Одним словом, сутолока и при том довольно бестолковая... Прибавить к этому болезнь (с 96 года) — и четыре года долой из жизни!“

Переселению в Полтаву предшествовала летняя поездка с семьей в область Уральского войска; В. Г. прожил здесь более трех месяцев, раз'езжая по казачьим станицам и работая в уральском войсковом архиве.

Главной целью этой поездки было собирание материала для давно задуманной В. Г. исторической повести из времен Пугачева. Замысел этот по разным причинам остался неосуществленным¹; впечатления же этого лета были обработаны В. Г. в ряде очерков, рисующих быт современного казачества („У казаков“).

Свое удовлетворение уральской поездкой В. Г. выразил между прочим в письме к С. Д. Протопопову (от 30 сент. 1900 г.):

„Могу сказать, что со времени моей болезни это было еще первое лето, в которое я чувствовал себя самым собой, сделал почти все, что хотел и получил для своей будущей работы очень много“.

В половине сентября В. Г. был уже в Полтаве. В письмах к родным и знакомым он сообщает о приятном

¹ Имеются только два беллетристич. отрывка к этому произведению, озаглавленные „Набеглый царь“ (печатаются в томе XXVI наст. изд.). Собранный В. Г. — чем обширный подготовительный материал сохранился в архиве писателя.

впечатлении, произведенном на него этим городом, в некоторых отношениях напомнившим ему родное Ровно.

„Вы знаете мои планы и мечты относительно Полтавы, — писал В. Г. Анненскому в окт. 1900 года, — полная свобода в образе жизни и работе... Время — мое ; первый натиск местного общества, с разными запросами и приглашениями читать „в виде исключения“ в пользу разных полезных начинаний — отражен с беспримерным мужеством и неприятель отступил. Теперь местное „общество“ выражает неудовольствие : приехал, сидит в норе, читать не хочет. А я рад. Постепенно начну заводить связи и знакомства, оставаясь хозяином положения“.

„В Полтаве сразу начал работать“, записывает В. Г. в дневнике, в начале нового 1901 -го года. „Все еще неустойчивость настроения, припадки острой бессонницы, временами, как бы понижение общего жизненного тона. Но в общем сразу лучше. Надеюсь опять овладеть собой, настроением, работой...“

Надежды эти оправдались : уже в январьской кн. „Русск. Бог.“ за 1901 г. появились рассказы „Мороз“ и „Последний луч“, в февральской — „Государевы ямщики“, в ноябрьской и декабрьской — „У казаков“.

Скоро, однако, местная жизнь начинает вовлекать В. Г. в круг своих интересов и предъявлять к нему все возрастающие требования, которые он часто не считает возможным отклонить. Одно из таких требований поставлено было ему жизнью в связи с аграрными волнениями 1902 года. В. Г. рассказал об этих волнениях в своем дневнике. Но он ничего не говорит здесь о той роли, какую пришлось играть ему лично во время последующих судов над полтавскими крестьянами. Свидетельство об этом мы находим в другом месте, а именно в неиздан-

ных очерках „Земли! Земли!“ (т. XXXII наст. изд.)¹, в главе „Суд и закон“.

Из этой главы мы узнаем, что ко времени открывшейся судебной сессии в Полтаве В. Г. невольно оказался в центре всего происходившего.

„Дело в том, — пишет он, — что отголоски некоторой моей литературной известности проникли к тому времени в местную крестьянскую среду, хотя и в довольно своеобразном виде. Меня почему-то считали теперь адвокатом, и ко мне стали приходить кучки крестьян, прося защиты. С другой стороны, кружок адвокатов, как местных, так и столичных, организуя защиту на широких началах и зная с каким интересом я отношусь к местным делам, счел удобным назначить мою квартиру местом для обсуждения вопросов, связанных с защитой“.

Далее автор говорит о возникших в адвокатской среде разногласиях в связи с выяснившейся невозможностью касаться на суде действий администрации (эти действия выразились в жестоких порках, произведенных губернаторами над крестьянами). В Харьковском суде уже произошли на этой почве бурные эпизоды: председатель резко останавливал защитников, пытавшихся доказать, что крестьяне уже раз понесли наказание. Тогда защитники демонстративно покинули зал судебных заседаний.

Теперь и в Полтаве возник вопрос как поступить в подобном случае, продолжать-ли защиту каждого подсудимого по существу или последовать примеру Харьковских адвокатов. „При этом обратились и к моему мнению“, пишет В. Г. „Для меня не было ни малейшего

¹ Часть этих очерков печаталась после смерти писателя в журнале „Голос Минувшего“ (1922 г. №№ 1 и 2).

сомнения, что огромное большинство подсудимых крестьян желает защиты по существу, и я сказал, что на мой взгляд желание самих подсудимых играет здесь решающую роль. Эта точка зрения была принята. После этого кое-кто из столичных адвокатов охладели к делу, а мне было предоставлено направлять мужиков ищущих защиты к представителям местного кружка защитников...”

„В эти дни моя передняя, кухня и кабинет густо наполнялись мужиками. Интересуясь характером движения, я опрашивал их, записывал наиболее характерные эпизоды и давал записки к Е. И. Сияльскому и другим местным адвокатам. Таким образом в Полтаве бурных сцен в суде не было. Защитники ограничивались протокольным протестом против стеснения судебного следствия, но защиту продолжали. Может быть это отразилось отчасти на смягчении судейского настроения и приговоры получились сравнительно мягкие. Многие подсудимые были неожиданно оправданы...”

Мы приведем здесь эту выдержку, как дополняющую записи дневника, посвященные аграрным волнениям в Полтавской губ.; в то же время она характеризует те отношения, какие с первых же лет установились у В. Г. Короленко с местным населением, неизменно прибегавшим к нему за советом и защитой во все трудные и грозные моменты жизни в течение двух десятилетий.

Что касается отношения к „неблагонадежному“ писателю местной администрации, то свидетельство об этом читатель найдет в самих дневниках. Характерно, между прочим, то обстоятельство, что в разгар крестьянских волнений уездной полицией распускались слухи, будто одним из главных виновников всей смуты — является Короленко.

„Есть в Полтаве такой Короленко — все от него!“
(Письмо В. Г. к Ф. Д. Батюшкову от 29 апр. 1902 г.)

Той-же весной 1902 г., когда происходили крестьянские волнения, произошел и известный инцидент с неутверждением академических выборов Горького, в результате — В. Г. Короленко и А. П. Чехов сложили с себя звание почетных академиков. Описание этого инцидента дано В. Г. — чем в дневнике 1902 г. Здесь, однако, не говорится о поездке, совершенной В. Г. в связи с этим событием в Ялту к Чехову (с 23 по 28 мая), при чем писатель посетил в Гаспре больного Толстого.

„С Толстым об академии почти не говорили (я этого и не хотел)“, писал В. Г. 28 мая Ф. Д. Батюшкову, „но очень интересно провели часа три. Удивительный старик. Тело умирает, а ум горит пламенем“.

О своей беседе с Толстым на тему об аграрных беспорядках и эпизодах террора В. Г. рассказал в одной из глав упомянутых выше очерков „Земли! Земли!“ (См. также статьи о Толстом в т. XXIV наст. изд., где эта глава перепечатана).

1903-й год, ознаменовавшийся Кишиневским погромом, принес В. Г. и большое личное горе: весной этого года умерла его мать, долго и тяжело перед этим болевшая.

„...Это теперь нависло тенью над всеми нами“, пишет В. Г. о безнадежной болезни матери, своей свояченице П. С. Ивановской (письмо от 16-го апр. 1903 г.). „Правда ей 70 лет, и все, что должно случиться естественно и неизбежно. Но все таки очень тяжело и то, что придется расставаться и как расставаться“.

Эвелина Осиповна Короленко умерла 30 апр.

Через три недели после ее смерти В. Г. писал Ф. Д. Батюшкову :

„Все связанное со смертью мамы теперь уже как бы ликвидировано, но только — осталась, я думаю на всю жизнь с одинаковой свежестью, болящая пустота. Конечно, мы были подготовлены и горечь этого сознания, распределенная на продолжительное время, — притуплялась. Но только, когда все это кончилось, я почувствовал сколько горя в этом, ставшем совершенно неизбежным конце“...

Тяжелым душевным состоянием, вызванным зрелищем страданий матери и ее смертью объясняется, вероятно, то обстоятельство, что в начале 1903 года В. Г. не возобновил дневника. Как уже было сказано ранее, записи в этом году имеются только в июне. В этом месяце (с 9-го по 16-е) В. Г. ездил в Кишинев, чтобы ознакомиться на месте с обстоятельствами произошедшего там на пасхе погрома. Впечатления этой поездки, занесенные в дневник, послужили В. Г. материалом для его очерка „Дом № 13“, первоначальный черновик которого находится тут же, в тетради. Очерк этот, предназначенный автором для „Русск. Богатства“, не был пропущен цензурой, и появился за границей раньше, чем вышел отдельным изданием в России.

Совершенно неотмеченным осталось в дневнике 1903 г. и такое событие, как 50-летний юбилей писателя, в праздновании которого принимали участие обе столицы и вся провинциальная Россия.

Желание избежать юбилейных чествований побудило В. Г. уехать в начале июля из Полтавы в Саратовскую губ., где он, с котомкой за плечами, совершил пешеходную экскурсию по деревням и монастырям. Впечатления этой экскурсии с большой полнотой описаны В. Г. - чем в письмах к жене. (См. письма т. VI).

По возвращении в Полтаву, писатель нашел здесь несколько сот телеграмм и множество писем и адресов, пришедших со всех концов России ко дню его юбилея.